

**Митрополит Сурожский Антоний. О
покаянии**

Митрополит Сурожский Антоний. О покаянии

Обратимся теперь к двоякой теме: о покаянии и об исповеди. Исповедь, конечно, содержит в себе покаяние, но чтобы понять, в чем суть покаяния, надо говорить о нем отдельно. Покаяние заключается в том, что человек, который до того отвернулся от Бога или жил собой, вдруг или постепенно понимает, что его жизнь не может быть полной в том виде, в каком он ее переживает. Покаяние заключается в том, чтобы обернуться к Богу лицом. Это момент — только изначальный, но решительный, когда мы вдруг переменяем курс и вместо того, чтобы стоять спиной или боком по отношению к Богу, к правде, по отношению к своему призванию, делаем первое движение, — мы обратились к Богу. Мы еще не покаяться, в том смысле, что не изменились, но для того, чтобы это случилось, мы должны что-то пережить: невозможно отворачиваться от себя и обратиться к Богу просто потому, что нам вздумалось.

Бывает, что человек живет спокойно, ничего особенного с ним не происходит, он как бы “пасется” на поле жизни, щиплет траву, не думая ни о бездонном небе над собой, ни о какой-либо опасности; ему жить хорошо. И вдруг случится нечто, что обращает его внимание на то, что не все так просто; вдруг он обнаруживает: что-то “не то”. Каким образом? Это бывает очень разное.

Бывает, что человек совершает тот или другой как будто незначительный поступок — и вдруг видит его последствия. Помню одного мальчика: он размахивал кинжалом и задел сестренке глаз. Она на всю жизнь осталась слепа на один глаз; а брат ее никогда не забыл того момента, когда вдруг понял, что значит бездумно, безответственно играть таким предметом как кинжал. Это не значит, конечно, что он боялся прикоснуться к кинжалу или к перочинному ножу; но он знал: самые незначительные действия могут иметь окончательное, трагическое значение

Бывает, что мысль, которая приводит нас к покаянию, настагает нас не так трагично, а мы вдруг слышим, что о нас думают люди. У нас всегда хорошее представление о самих себе, и когда нас критикуют, у нас тенденция думать, что тот человек, который нас не видит такими прекрасными, какими мы себя видим, ошибается. И вдруг мы услышим мнение других людей о нас. Мы считали себя героями, а все думают, что мы трусы. Мы считали себя безукоризненно правдивыми, а люди думают, что мы лукавы, и т.д. Если остановиться вниманием на этом, мы уже ставим перед собой вопрос: что я?.. И в тот момент, когда мы ставим перед собой этот вопрос, встает и следующий: какое мое призвание в жизни?.. Я говорю не о ремесленном призвании, а — каким человеком я могу стать? Неужели я удовлетворен тем, чем являюсь? Не могу ли я себя как бы перерасти, стать лучше?..

Иногда бывает, что не народный глас, не голос того или другого нашего знакомого обращает наше внимание на нас самих, а чтение, например, Евангелия. Я читаю Евангелие и вдруг вижу, каков может быть человек; я вижу образ Христов во всей его красоте или, во всяком случае, в той мере красоты, какую я способен воспринять, и начинаю себя сравнивать. Вот когда я начинаю обращаться не на себя самого, а либо на образ Христа, либо на то, что обо мне думают люди — тогда-то и начинается суд надо мной. И в тот момент, когда начинается суд, начинается и покаяние. Это еще не полнота покаяния, потому что произнести над собой качественный суд не значит быть раненным в душу тем, что я совершил или чем являюсь. Иногда головой мы сознаем, что плохи или должны бы быть иными в том или другом отношении, а чувством мы этого не можем пережить. Я вам дам пример.

В 1920-ые годы во Франции был съезд Русского Студенческого Христианского Движения. Там

присутствовал замечательный священник, отец Александр Ельчанинов, писания которого некоторые из вас, наверное, читали, потому что они были изданы не только за границей, но теперь и в России. К нему на исповедь пришел офицер и сказал: “Знаете, я вам могу выложить всю неправду моей жизни, но я ее только головой сознаю; мое сердце остается совершенно нетронутым, мне все равно. Головой я понимаю, что это все зло, а душой не отзываюсь ни болью, ни стыдом”. И отец Александр сделал потрясающую вещь; он сказал: “Не исповедуйтесь у меня, это будет совершенно напрасно. Завтра, перед тем как я буду служить литургию, вы выйдете вперед и, когда все соберутся, повторите то, что только что сказали мне, и принесете исповедь перед всеми собравшимися”. Офицер согласился на это, потому что чувствовал, что он мертвец, что в нем жизни нет, что у него только память да голова, но сердце мертво и жизнь в нем погасла. И он вышел с чувством ужаса: вот, я сейчас начну рассказывать, и весь съезд от меня отвернется. Все с ужасом посмотрят на меня с мыслью: мы думали, что он порядочный человек, а он не только негодяй, но и мертвец перед Богом... Он стал, пересилил свой страх и ужас и начал говорить. И случилось нечто для него совершенно неожиданное: в момент, когда он сказал, для чего он стал перед царскими вратами, весь съезд к нему обратился сострадательной любовью, он почувствовал, что все ему открылось, все открыли объятия своего сердца, все с ужасом думают о том, как ему больно, как ему стыдно.. И он разрыдался и в слезах произнес свою исповедь; и для него началась новая жизнь.

Тут мы касаемся очень важного момента, именно — покаяния. Покаяние не заключается в том, чтобы хладнокровно увидеть в себе грех и его принести Богу на исповеди; покаяние заключается в том, чтобы нас что-то так ударило в душу, что из наших глаз и из нашего сердца вырвались слезы. Святой Варсонофий Великий говорит, что слезы истинного покаяния могут нас очистить так, что уже делается ненужным идти на исповедь, потому что то, что простил Бог, человеку нечего разрешать. Есть и другое место у ученика святого Симеона Нового Богослова, святого Никиты Стифата, где говорится, что слезы истинного покаяния могут вернуть человеку даже потерянную телесную девственность... Покаяние должно быть именно такое.

Но мы не можем так каяться постоянно, это нам не под силу. Что же нам делать? Делать надо вот что. Вы, наверное, читали о том, как совершаются раскопки древних городов или памятников. Приходит археолог и начинает скрести землю. Сначала он видит только обыкновенную почву, но постепенно начинает различать какие-то очертания того, что давным-давно легло под землю. Это уже первое видение. Когда мы самым зачаточным образом видим в себе что-либо недостойное ни нас самих, ни той любви и уважения, которыми мы окружены, ни той любви, которую Бог нам проявляет, это уже начало нашего прозрения, и мы можем пойти на исповедь и сказать: “Я знаю теперь, что под почвой, может быть, очень глубоко, лежит мир греха, но кое-что я о нем узнал уже на поверхности, я хочу это принести Богу и сказать: я это увидел. Ты мне помог это увидеть, Господи, и я отрекаюсь от этого зла. Я пока еще не умею каяться, но умею знать, что это несовместимо ни с моей дружбой с Тобой, ни с тем отношением, каким я окружен своими близкими, ни с тем, чем я хочу быть...” Существует средневековая разрешительная молитва, оканчивающаяся словами: “И да простит тебе Господь все грехи, в которых ты истинно раскаялся”. Прощается не просто то, что ты рассказал, а то, перед чем ты содрогнулся душой, что тебя обдало ужасом. Остальное является новой твоей задачей. Ты должен дальше и дальше, глубже и глубже уходить в себя, в эти раскопки, и продолжать находить то, что недостойно ни тебя, ни Бога, ни того, что о тебе думают люди. Таким образом исповедь делается частью постепенно углубляющегося покаяния, перед тобой постепенно раскрываются новые глубины.

Но вы скажете: “Неужели жизнь заключается в том, чтобы уходить в эти глубины, видеть в себе только зло, одно зло, всё уходить в тьму? С этим жить нельзя!” Нет, с этим жить нельзя,

но тьму разгоняет свет. Если мы видим в себе что-либо темное, то лишь потому, что свет проник в новую глубину нашей жизни. Вот пример, который я даю детям, но и взрослым иногда не вредно услышать детский пример. Когда дети говорят: “Я всматриваюсь во все зло, которое во мне есть, и не умею его искоренять, вырывать из себя” — я отвечаю: “А скажи: когда тыходишь в темную комнату, неужели для того, чтобы в ней перестало быть темно, ты машешь белым полотенцем в надежде, что тьма разойдется, рассеется?” — “Нет, конечно нет!” — “А что ты делаешь?” — “Я открываю ставни, открываю занавески, открываю окно”. — “Вот именно! Ты проливаешь свет туда, где царил тьма. Так же и тут. Если ты хочешь по-настоящему каяться, исповедоваться поистине и меняться, тебе не надо сосредотачиваться только на том, что в тебе плохо, тебе нужно как бы впустить в себя свет. А для этого надо обратить внимание на то, что у тебя уже есть светлого, и во имя этого света бороться со всей тьмой, которая в тебе есть”. — “Да, но как это делать? Неужели думать о себе: вот, я такой хороший в том или другом отношении?” — “Нет. Читай Евангелие и отмечай в нем те места, которые ударяют тебя в душу, от которых трепетно делается сердце, ум светлеет, которые соберут твою волю к желанию новой жизни. И знай, что в этом слове, в этом образе, в этой заповеди, в этом примере Христа ты нашел в себе искорку Божественного света. В этом отношении оскверненная, потемневшая икона, которой ты являешься, просветлела. Ты уже хоть немного похож на Христа, в тебе уже немного начинает проявляться образ Божий. А раз так, то запомни, что если ты будешь грешить против этого, ты будешь осквернять святыню, которая в тебе уже есть, уже живет, уже действует, уже растет. Ты будешь потемнять в себе образ Божий, гасить свет или окружать его тьмой. Этого не делай! И если ты будешь верен тем искрам света, которые в тебе уже есть, то постепенно тьма вокруг тебя будет рассеиваться. Во-первых, потому что там, где свет, тьма уже рассеяна, а во-вторых, когда ты обнаружил в себе какую-то область света, чистоты, правды, когда ты вдруг смотришь на себя и думаешь: в этом отношении я на самом деле настоящий человек, не только мразь, которую я себе представлял, — тогда ты можешь начать бороться с тем, что наступает на тебя, как враги наступают на город или на войско, чтобы свет потемнел в тебе. Ты, например, научился почитать чистоту. И вдруг в тебе поднимается грязь мыслей, телесных желаний, чувств, чувственность. В этот момент можешь себе сказать: я обнаружил в себе искорку целомудрия, искорку чистоты, желание кого-то полюбить без того чтобы этого человека осквернить даже мыслью, не говоря уж о прикосновении; нет, эти мысли я в себе допустить не могу, не стану. Я буду бороться против них; и для этого обращусь ко Христу и буду кричать к Нему: Господи, очисти! Господи, спаси! Господи, помоги! — и Господь поможет. Но Он не поможет тебе, раньше чем ты сам поборешься”.

Есть рассказ в жизни святого Антония Великого о том, как он отчаянно боролся с искушением, боролся так, что наконец в изнеможении упал на землю и лежал без сил. И вдруг перед ним явился Христос. Не имея даже сил подняться, Антоний говорит: “Господи, где же Ты был, когда я так отчаянно боролся?” И Христос ему ответил: “Я стоял невидимо рядом с тобой, готовый вступить в бой, если бы только ты сдался. Но ты не сдался — и победил”.

И вот я думаю, что каждый из нас может научиться так каяться и приходить на исповедь каждый раз уже с новой победой и с новым видением того поля битвы, которое перед нами раскрывается все шире и шире. И мы можем получить прощение наших грехов от Христа, прощение того, что мы уже в себе начали побеждать; и кроме того, получить благодать и новую силу побеждать то, что мы еще не победили.

(из книги [Митрополит Сурожский Антоний. Быть христианином](#))